

Псковская губерния и Первая Мировая война (к 100-летию начала)

М. П. Маркова

Мобилизация в армию в Псковской губернии: 1905 и 1914 гг.

В начале XX в. Россия одну за другой пережила две крупных войны — русско-японскую 1904–1905 гг. и Первую Мировую (1914–1918 гг.), коснувшиеся в той или иной мере всех губерний, в том числе Псковской.

Когда русско-японская война была в самом разгаре, в апреле 1905 г. псковский губернатор А. В. Адлерберг направил во все уездные по воинской повинности присутствия о начале формирования в губернии ополчения. В качестве первоочередных мер он предписал временно прекратить питейную торговлю, разработать маршруты следования ратников из сборных пунктов в пункт формирования дружин, по всем призывным участкам составить расписание призыва с точным указанием его сроков.¹

Во исполнение приказа только в Острове, например, было закрыто 19 пивных лавок, 7 оптовых складов, четыре винных погреба, два трактира (Болотникова и Белянинова), четыре казенных винных лавки и стационарный буфет.² По маршрутам следования ратников закрылись все питейные заведения в Опочке, Новоржеве и Торопце. А маршруты эти разрабатывались со всей тщательностью и пунктуальностью: пешим строем в сопровождении подвод с багажом ратники должны были проходить ежедневно по 25 верст, по прибытии в уездные города они размещались в «обывательских» домах, с владельцами ко-

торых военное ведомство заключало договора об оплате за постой из расчета по 3 коп. за человека в сутки. В Порхове, например, квартиры для временного проживания ратников сдавали купцы Ардаматский, Богданов, Тютчев, Голубев, Гагаринская, Калашникова и др., в Торопце — купец Гладилин, дворянин К. Н. Кутузов, вдова титулярного советника Е. Н. Чирикова и др.³ Необходимо было решать и вопрос с продовольственным обеспечением ратников, прежде всего хлебом. Для этого заключались договора с владельцами пекарен: каждый из них обязывался ежедневно выпекать по 20 пудов хлеба с оплатой 1 руб. за каждый пуд. Все другие продукты приобретались на рынке из расчета 20 коп. в сутки на каждого ратника. Это неизбежно повлекло рост цен. Так, на опочецком рынке запрашивали за пуд мяса по 5 руб., гречневой крупы — 2 руб. 50 коп., картофеля — 35 коп.,⁴ в то время, как раньше все продукты стоили дешевле.

В уездных городах ратники проходили медицинское освидетельствование, после чего все признанные по состоянию здоровья годными к военной службе направлялись из Торопца, Новосokolьников, Дно, Порхова и Великих Лук в Псков, где принимали присягу и поступали под начало офицеров.⁵ Призыв лиц, «имеющих цель занять офицерские должности», производился одновременно с мобилизацией ратников, и таковых оказалось: в Пскове — 51 чел., в Острове — 30, в Опочке и Новоржеве — по 16, в Порхове

Маркова Маргарита Тимофеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории ПсковГУ.

— 23, в Торопце — 7, в Великих Луках — 20, в Холме — 21. Выяснилось, что большинство из них ранее в армии не служили: это были в основном выпускники гимназий, университетов, реальных училищ, духовных семинарий и других гражданских учебных заведений. Редким исключением был призыв прапорщиков запаса: в Опочке — трех, а в Порхове — двух. А вот призываемые на врачебные и фельдшерские должности, как правило, имели специальное медицинское образование: из Пскова таковых было мобилизовано 23 чел., Острова и Новоржева — по три, Великих Лук — два.⁶

В целом же в обстановке русско-японской войны мобилизация была проведена в Псковской губернии по четко разработанному плану.

Иной оказалась ситуация в условиях начавшейся в 1914 г. новой войны. 14 июля 1914 г. псковский губернатор Н. Н. Медем получил телеграмму, предписывающую «начать призыв нижних чинов на действительную службу». Приказ сразу был передан по телеграфу во все уездные города, а оттуда специальные гонцы на лошадях доставили его в места сбора новобранцев. Например, в Островском уезде с 12 час. ночи 17 июля до 9 час. утра 18 июля его получили во всех волостных центрах, о чем исправник Соболевский «секретным» рапортом сообщил губернатору.⁷

Первые дни мобилизации сопровождались молебнами и митингами в поддержку Императора, призвавшего население «отстоять честь, достоинство и единство России».⁸ Выражение патриотических чувств повсеместно проходило примерно по одинаковому сценарию: на улицы выносились портреты Николая II, государственные флаги, произносились речи... Прощание с мобилизованными и добровольцами, уходящими на фронт, проходило в условиях «сухого закона», введенного правительством на месяц мобилизации, но впоследствии продленного до окончания войны. Но как раз эта мера вызывала недовольство и порождала порой «чрезвычайные происшествия». Например, 19 июля опочецкий исправник Д. С. Иеропольский сообщил, что по пути в уездный город новобранцы потребовали открыть винную лавку,

угрожая в случае отказа перебить сопровождавших их полицейских. В результате «лавку открыли, ратники купили 50 сороковок и дальше пошли мирно». На следующий день, 20 июля новобранцы сами вскрыли винную лавку в деревне Исса того же Опочецкого уезда, а 22 июля на станции Дно ратники трижды «штурмовали винную лавку, сломали дверь, унесли вина на 190 руб. (50 ведер водки). Часть водки тут же была выпита, остальная отобрана. Виновных выявить не удалось, т. к. участие принимал весь эшелон (700 чел.)», — сообщал ротмистр Татаринов.⁹

Такие эксцессы случались преимущественно в самом начале мобилизации, затем обстановка нормализовалась, и в течение октября-декабря 1914 г. призыв проходил более спокойно. К тому времени был разработан график прибытия новобранцев в уездные города, который в основном выдерживался. Днями сбора в октябре были назначены — 10, 17, 24 и 31-е, в ноябре — 7 и 28-е, в декабре — 5, 12 и 19-е.¹⁰ В течение указанных трех месяцев в армию было призвано более 13 тыс. чел., что в разрезе уездов выглядит следующим образом:¹¹ (см. Таблицу 1).

Следовательно, из прибывших на сборные пункты на фронт пошла лишь половина: часть из них пользовалась льготами от призыва, но большинство оказались попросту непригодными: они не соответствовали «стандартам» по весу и росту, как и по образовательному цензу. По установленным нормам призывники должны были соответствовать следующим «стандартам»: рост — два аршина семь вершков, объем груди — 20 вершков, вес — три пуда 36 фунтов (аршин равнялся 16 вершкам — 71,12 см.; вершок равнялся 1 ³/₄ дюйма — 4,45 см.; пуд равнялся 40 фунтам или 16,38 кг; фунт — 0,410 г.). О физическом состоянии новобранцев командир одного из саперных батальонов докладывал: «Новобранцы 1914 года низкорослые, физически слабые и малограмотные».¹² Признанные негодными направлялись в земские больницы, где получали лечение и обеспечивались усиленным питанием, а через две-три недели проходили повторное освидетельствование.¹³ Для проведения его требовалось немалое количество врачей, поэтому привлекались кроме уездных земские и вольнопрак-

Уезды	Призвано (чел.)	Из них направлено в армию (чел.)
Псковский	2499	1012
Островский	1975	811
Опочецкий	1729	888
Новоржевский	1535	1142
Великолукский	1404	720
Холмский	995	568
Торопецкий	1182	511
Порховский	2023	1023
Всего по губернии	13742	6675

тикующие медики, например, М. М. Франко, Я. Н. Королев, А. А. Хитров, А. Г. Дьяконов, Е. К. Мордвинов, врачебный инспектор доктор медицины А. И. Ост, ординатор губернской земской больницы А. И. Жданко и др.¹⁴

Служащие железных дорог в своих докладах неоднократно отмечали низкий образовательный и культурный уровень призывников, например: «Они бросают в окна бутылки и другие предметы, попадают ими в служащих, пассажиров и прохожих. В начале войны новобранцы открывали огонь по своим аэропланам и дирижаблям, не понимая опознавательных знаков — два круга из национальных цветов русского флага».¹⁵

Случались в процессе мобилизации и факты уклонения от призыва и симуляции. Так, в Торопецком уезде некто «Анисим» давал одному из призывников какое-то «лекарство», вызывавшее сердцебиение, и за это «зелье» взимал 30 руб., объясняя, что они пойдут «на покупку лекарства, взятку врачу», «да и себе немного оставить». После поступивших нескольких доносов в полицейское управление он был арестован. Имели место и факты подкупа сельских старост и волостных старшин,¹⁶ о чем неоднократно писалось в прошениях и жалобах, направляемых крестьянами в различные инстанции. Они сообщали о нарушениях местными властями очередности призыва, о призыве на службу «последнего кормильца», об освобождении своих детей от призыва за счет других, взяток и т. п. Одна из крестьянок, например, писала, что муж ее призван в армию, сама же она не может работать в поле «по нездоровью», а «нанять кого-нибудь нет денег, да и мужиков в деревне тоже нет».¹⁷ Чаще всего прошения и жалобы оставались без ответа.

Призванные в армию из Псковской губернии направлялись в различные воинские части, дислоцированные в разных местах. Из Опочки, например, 24 новобранца было направлено «в воинскую часть по назначению в Севастополь, в 24-ю Крымскую пограничную бригаду», о чем свидетельствует «Маршрут для следования новобранцев», составленный воинским начальником полковником А. Львовым. От Опочки они пешим строем в сопровождении телег с багажом следовали до станции железной дороги, затем поездом — до места назначения. Пешком они должны были двигаться в течение трех дней и шесть дней — по железной дороге, получая на каждого по 56 коп. «кормовых» денег в сутки.¹⁸

Из Новоржева 20 новобранцев отправились в казармы гвардейского кавалерийского полка в Новгород, 51 чел. — на Балтийский флот, 50 чел. — в запасной артиллерийский дивизион в Лугу, 20 чел. — в Гатчину, 15 чел. — в крепостную саперную роту в Кронштадт. Все они, в отличие от опочан, «кормовых» получали гораздо меньше — по 25 коп. на человека в сутки.¹⁹

Иначе шло формирование офицерского корпуса. Еще до начала войны, в феврале 1914 г. в Псковской губернии было намечено количество дружин и определены их командиры,²⁰ а с началом военных действий начался призыв офицеров в «государево ополчение». Так, из Порховского уезда были призваны дворяне Алексей и Петр Балавен-

ские, Георгий и Модест Векшинские, Александр и Николай Зарины, Владимир Николаевич и Константин Модестович Карамышевы, князь Петр Николаевич Мышецкий, Иван и Сергей Протопоповы, Иван Николаевич Тутолмин, Станислав Юльевич Ягмин и др., из Великолукского уезда — братья Мальковичи и Голенищевы-Кутузовы, из Опочецкого — Н. Л. Затеplinский, Павел Николаевич Плен, из Холмского — В. Н. Великопольский, Арбузов, Болтин и др. Все они имели опыт участия в боевых действиях и звания старших офицеров,²¹ им лично или по почте вручались «призывные» листы. Некоторых офицеров запаса — псковских дворян — известие о начале мобилизации застало вдали от родных мест: отставной капитан Радишевский, например, находился в г. Верхнеудинске в Сибири, инспектор императорского двора, офицер в отставке Попов — в Чите, и они запрашивали псковского губернатора: призваны ли они на действительную службу? Ответ пришел из Генерального штаба, гласивший, что «все отставные офицеры, не имеющие предельного возраста, подлежат призыву. Но и добровольное вступление приветствуется».²² Как бы в ответ на это разъяснение полковник корпуса инженерно-технических войск Николай Сергеевич Яковлев из Порхова писал губернатору, что он, «находясь на пенсии, не напрашивается, но и от исполнения долга не отказывается».²³

Молодые же дворяне (1890-х гг. рождения) получали офицерское образование уже в ходе войны — в школах прапорщиков и на ускоренных курсах в военных училищах, о чем свидетельствуют, например, многочисленные списки бывших офицеров, составленные в 1918 г. в Порхове, Новоржеве, Пскове, других уездных городах. Они прошли войну, вернулись в родные места уже при новой власти и ставились на учет в военных комиссариатах. Вот лишь некоторые фамилии: Иван Николаевич Дуев (1891 г. р.), поручик,

командир батальона, закончил Псковскую гимназию и Петергофскую школу прапорщиков (Порхов); Геннадий Михайлович Семенов (1894 г. р.), на военную службу поступил 31 января 1914 г., окончил Ташкентское военное училище, прапорщик, сражался на австрийском и германском фронтах (Новоржев), и т. п. В Пскове в списки было занесено 90 прибывших с фронта офицеров, в том числе 33 прапорщика, 16 поручиков и 14 подпоручиков. Среди них, например: Борис Аркадьевич Кирпичников (1891 г. р.), подпоручик (ул. Конная, 14 а); Константин Еврафович Повало-Швыйковский, корнет (ул. Покровская, д. 1), а также известные в городе фамилии — Л. М. Поземский, Н. Н. Колиберский, Н. А. Эрн, П. М. Яхонтов, Л. Н. Лохов и др.²⁴

В 1914 г. война еще только начиналась, но уже тогда мнения относительно ее характера и перспектив были разными. Патриотический подъем первых месяцев войны, охвативший русское общество, усиленно поддерживался правящими кругами. Характерными были следующие рассуждения: «Война охватила всю Европу, пришлось и России обнажить свой меч. Народ, как один человек, поднялся на зов Царя. Все забыто: и семейный очаг, и внутренние раздоры, и страдная пора... С сознанием долга перед Родиной встали ратники под победоносные знамена русского войска. Для Истории война будет мировой, для нас — Отечественной».²⁵

А «Крестьянская газета» начавшуюся войну оценивала так: «Немцы целых 40 лет готовились к войне с русскими. Они организовали великолепную армию, воздушный и морской флот, тщательно разработали план нападения, избрали удобное время и объявили нам беспощадную войну». «Мы можем победить немцев настойчивостью и храбростью, пьянство — трезвостью и воздержанием, невежество — всеобщей грамотностью и образованием», — заключает автор.²⁶

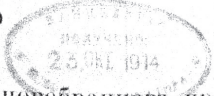
13037

Лсковскому Губернатору. 256

Приложение № 2 к ст. № 17.

1138

МАРШРУТЪ

для слѣдованія маршевой команды № 1 новобранцевъ призыва 1914 года, изъ города Новоржева Псковской губернии въ воинскія части по назначенію.

Въ командѣ состоитъ: Сопровождающихъ команду Новобранцевъ слѣдующихъ Г-р. Севастополь в 4 пограничн. укр. Урбинск. бригаду	Офицеръ.	Врачей.	Фельдшеръ.	Унтеръ-офицеръ.	Ефрейторъ.	Рядовыхъ.	Новобранцевъ.
	"	"	"	1	"	"	"
	"	"	"	"	"	"	22
Итого . . .	"	"	"	1	"	"	22

Число лошадей, оставшихся и выехавших при переходѣ по желѣзнымъ дорогамъ. ЖЕЛ. ПОЕЗДОВЪ.	Какимъ путемъ отправляются, названіе попутныхъ пунктовъ для смены подводовъ и мѣсть почлеговъ, желѣзныхъ дорогъ, станціи посадокъ, снабженіе людей горячею пищею, пересадокъ и высадокъ на желѣзныхъ дорогахъ и водою.	Величина переходовъ въ верстахъ. Названіе узловъ съ обозначеніемъ знаковъ 3. У. и ф. въ видѣхъ лѣтнихъ учрежденій. Названіе губерній. Станціи разфур. кормовыхъ телегъ на одного человека. Сколько отпущено въ поездъ вещей на каждой станціи обозначен. пути.	Примѣчаніе.
---	--	--	-------------

Изъ гор. Новоржева до ст. Сушево походнымъ порядкомъ.	Степаньково 15 Бѣжаницы 20 Ст. Сушево ж. д. 4 1/2	Новоржевскаго 3. У. Псковской о.й. по 66 коп.	« 4 » отпущено въ « » параконн. по 3 коп. за вер. за лошадь. Поводы назначены: 1 уд. команд. Начальнику команды 1 уд. команд. Квартирмейстеру 2 уд. команд. Подъ свозъ вещей 2 уд. команд. Для заботлившихъ въ пути 1 уд. команд.
Итого 4		Итого 4	

В. Паше

Примечания

- ¹ ГАПО. ф. 77. оп. 5. д. 4. лл. 58, 64.
- ² Там же. Лл. 54, 56.
- ³ Там же. Лл. 48–49.
- ⁴ Там же. Лл. 54, 56.
- ⁵ Там же. Оп. 5. д. 4. л. 48–49.
- ⁶ Там же. Лл. 93, 95, 97, 132–133.
- ⁷ Там же. Оп. 2. д. 76. лл. 56–57.
- ⁸ Псковские епархиальные ведомости. 1914. №№ 14–15 (16–31 июля, 1–15 августа).
- ⁹ ГАПО. ф. 77. оп. 2. д. 76. лл. 73, 74, 81.
- ¹⁰ Там же. Оп. 4. д. 18. л. 161.
- ¹¹ Там же. Оп. 2. д. 73. л. 332.
- ¹² Там же. Ф. 228. оп. 1. д. 8. л. 72.
- ¹³ Там же. Ф. 270. оп. 1. д. 7. лл. 10, 18, 35; ф. 271. оп. 1. д. 3. лл. 1–4; ф. 272. оп. 1. д. 1. лл. 1–76.
- ¹⁴ Там же. Ф. 77. оп. 2. д. 73. лл. 165, 174.
- ¹⁵ Там же. Ф. 228. оп. 1. д. 8. лл. 36–37.
- ¹⁶ Там же. Ф. 77. оп. 2. д. 1. л. 200; д. 90. лл. 20–22, 34, 38.
- ¹⁷ Там же. Д. 80. лл. 10, 21, 25, 30, 35, 45, 51, 58.
- ¹⁸ Там же. Д. 73. лл. 245–246.
- ¹⁹ Там же. Лл. 265, 266, 270, 272, 273.
- ²⁰ Михайлов А. А. Псков в годы Первой мировой войны (1914–1915 гг.). Псков, 2012. С. 129.
- ²¹ ГАПО. ф. 366. оп. 1. д. 1103. лл. 8, 51, 55, 48, 61.
- ²² Там же. Ф. 77. оп. 2. д. 80. лл. 99, 111, 112, 117–118.
- ²³ Там же. Лл. 61–63.
- ²⁴ Там же. Ф. Р–51. д. 93; Р–695. оп. 1. д. 41, 43, 80; оп. 2. д. 70; ф. Р–616. оп. 1. д. 73.
- ²⁵ Вестник Псковского губернского земства. 1914. № 30–31. С. 17.
- ²⁶ Там же. № 39. С. 14.